
ЛЮДИ. ГОДЫ. ЖИЗНЬ

К 210-летию Герценовского университета

*К. Д. Радина,
профессор кафедры педагогики*

КАФЕДРА ПЕДАГОГИКИ ЛГПИ—РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Мое знакомство с кафедрой началось с 1934 г., когда я была студенткой Коммунистического института им. Н. К. Крупской, который стал достаточно бедной трансформацией Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской и был переведен из Москвы в Ленинград. Наш институт во всем зависел от ЛГПИ им. А. И. Герцена, пользовался его общежитиями, библиотекой, а самое главное — у нас работали ведущие преподаватели Института им. А. И. Герцена, в том числе психологи, педологи, методисты и, что особенно значимо, педагоги. Историю педагогики читали профессор Ш. И. Ганелин — он читал историю западноевропейской педагогики, и профессор Е. Я. Голант — он читал историю русской педагогики.

А еще существенным содержанием нашего педагогического образования был курс лекций опять-таки профессора кафедры педагогики Института им. А. И. Герцена Павла Никодимовича Груздева. Этот курс обозначен был как «Учение Маркса, Энгельса, Ленина о коммунистическом воспитании». Сам Павел Николаевич был буквально захвачен стремлением доказать особое значение учения классиков марксизма-ленинизма для педагогической науки. И, подчиняясь его требованиям, мы старательно выискивали педагогические идеи в «Капитале» Карла Маркса или выстраивали систему педагогического учения В. И. Ленина. Конечно, были у нас и свои преподаватели, на данном этапе не связанные с Институтом им. А. И. Герцена. Особое место среди них занимал Б. Г. Ананьев. Это был перспективный психолог, преданный своей науке и, что немаловажно, молодой и чрезвычайно привлекательный. В 1935 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Психология педагогической оценки» и, как это видно из темы диссертации, искал постоянные связи между психологией и педагогикой, утверждал значение для развития педагогических идей их психологических оснований.

В нашем совсем небольшом учебном заведении проходило много интересных дел и начинаний, и душой этих дел были и наши преподаватели, и профессора кафедры педагогики Института им. А. И. Герцена. Так, в эти годы обозначилось в педагогической теории и практике учение А. С. Макаренко. Вышли в свет его «Педагогическая поэма», «Книга для родителей», «Флаги на башнях», его теоретические работы. И получалось так, что мы, молодежь, принимали и защищали идеи Макаренко, а наши преподаватели относились к ним настороженно. В целом из стен Института им. Н. К. Крупской я вынесла уважение к науке педагогике, интерес и добрый настрой на свою профессию преподавателя педагогики в педучилище, теплое чувство благодарности за подаренную радость общения с незаурядными людьми.

В 1938 г. я окончила институт, получила свой красный диплом, в котором стояла подпись председателя экзаменационной комиссии профессора Ш. И. Ганелина, и уехала работать по распределению в соответствии с полученной специальностью.

Вернулась я уже собственно на кафедру Педагогического института им. А. И. Герцена в 1940 г., поступив в аспирантуру на этой кафедре. Особенно запомнился первый аспирантский для меня 1940/41 г., он был последним предвоенным. На кафедре в это время шла очень яркая научная жизнь. Живо и остро обсуждалось содержание учебных курсов педагогики и истории педагогики, некоторые вопросы связи педагогики с другими науками — физиологией и особенно психологией. Интересно, что кафедра педагогики поддерживала тесные связи с кафедрой психологии, при этом проявлялось какое-то ревностное отношение со стороны психологов в том плане, чтобы педагоги не присваивали и не использовали как

собственные психологические идеи. Безусловно, ведущими учеными на кафедре педагогики в это время были профессор П. Н. Груздев, Ш. И. Ганелин. Изданные в это время работы Ш. И. Ганелина и Е. Я. Голанта по истории педагогики, по теоретическим проблемам педагогики сразу получили известность в стране.

Большое значение для утверждения роли кафедры в стране имело издание в 1940 г. учебного пособия «Педагогика», в создании которого приняли участие члены кафедры педагогики и среди них, кроме Е. Я. Голанта и Ш. И. Ганелина, Н. Г. Казанский, Н. А. Лялин, А. И. Болтунов и другие. К созданию учебного пособия был привлечен известный ученый в области педагогики И. Ф. Свадковский. Создание этого учебного пособия сразу вывело кафедру педагогики на ведущие рубежи в утверждении педагогики. В тот предвоенный год вся моя жизнь на кафедре была определена рамками аспирантуры, и это было очень значимо и поучительно. Группа предвоенных аспирантов была небольшой, среди них были Женя Кропотов, Клава Карпова, Нелли Животовская, Антон Некрашевич, Вячеслав Семенов. Кафедра уделяла своим аспирантам большое внимание.

В подготовке аспирантов большое место занимала психология. Она входила в качестве обязательной дисциплины в аспирантский экзамен, нас ориентировали на чтение психологической литературы, на знание идей психологов нашего вуза. Безусловно, таким психологом был профессор С. Л. Рубинштейн, чья монография «Основы психологии» и была впервые опубликована в 1940 г.

Для повышения качества работы аспирантов к нам была прикреплена в роли своеобразного опекуна удивительная и неповторимая женщина Евгения Иосифовна Зейлигер-Рубинштейн. Ее отличала преданность науке и какая-то особая, просто трогательная погруженность в свое исследование. Она вела с нами так называемый аспирантский семинар. Это были просто беседы о том, что такое вхождение в науку, при каких условиях оно может быть успешным. Большое место в аспирантской подготовке занимало включение в преподавательскую деятельность. Все мы готовили открытые лекции, на которых обязательно присутствовали наши руководители, члены кафедры, аспиранты.

И вот июнь 1941 г. Война, а чуть позже блокада. Уже 23 июня 1941 г. я была назначена секретарем комсомольской организации ЛГПИ им. А. И. Герцена. И эта работа уже не была связана с кафедрой педагогики, ведущие члены которой были эвакуированы. До нас доходили сведения о той жизни в далеком уральском городе Кыштыме, которую вели профессора кафедры. Особенно отличался своей энергией и неутомимостью Е. Я. Голант, который в буквальном смысле превратил свою жизнь в подвиг, утверждая идеи педагогики среди уральского учительства.

В марте 1942 г. я вместе с Институтом им. А. И. Герцена выехала из блокадного города по льду Ладожского озера и до конца войны работала в прифронтовом городе Ельце, который тогда входил в Орловскую область. Вернулась я на кафедру педагогики в мае 1945 г., в те незабываемые дни великой Победы и была восстановлена в аспирантуре. Здесь и прошли чрезвычайно интересные и такие значимые для меня события жизни. Я вплотную занялась написанием кандидатской диссертации под руководством незабываемого Л. Е. Раскина. Удивительной в то время была жизнь этого человека. В сложнейших условиях города, который переживал все тяготы первого послевоенного, послеблокадного года, он ухитрился читать бесконечное количество лекций для учительства, ездил по школам, консультировал, вел преподавательскую работу. Моя диссертация «Мотивы детских школьных проступков и меры педагогического воздействия» существенным основанием имела практику жизни ученика в школе, на разных уроках разных учителей. Я целыми днями сидела на уроках в трех ленинградских мужских школах и со стороны наблюдала все происходящее. Я фиксировала ситуации, довольно многочисленные, нарушения дисциплины у разных учителей. Но самое главное заключалось в том, что я не просто видела ситуацию, но, зная многих мальчиков, могла понять и объяснить ее глубинные источники, которые определялись особенностями этого ученика, даже перипетиями его личной судьбы, всей системы сложившихся отношений к миру.

На этой основе представлены главы диссертации, в которых анализируются все детские проступки, в том числе и достаточно острые, перерастающие в конфликты. Этим конфликтам, анализу их внутреннего смысла посвящена отдельная глава. На этой основе представлены меры педагогического воздействия и их соответствие или несоответствие мотивам проступка. Можно сказать, что диссертация — это отражение сложной жизни того времени, влияние недавней войны. Безусловно, диссертация с позиций сегодняшней науки имела существенные просчеты. Главный — в том, что основа ее — мотиваци-

онно-поведенческий подход, а не собственно личностно-деятельностный. Она не выходила на содержание обучения, не затрагивала проблем дидактики. Да и проблемы воспитания сводились к очень узкой сфере дисциплины и дисциплинированности в их отрицательных проявлениях. Оппонентами по диссертации были Е. Я. Голант и доцент кафедры психологии Л. Л. Люблинская. Ее отзыв был достаточно критичным. Однако ее оценки не повлияли на решение совета, и моя защита состоялась, хотя и была нелегкой. Замечу, что в составе Ученого совета были психологи и даже методисты, к примеру, методики биологии, в частности Н. М. Верзилин, а председателем совета был профессор кафедры психологии Н. М. Шардаков. Все это подтверждает особенно тесные связи кафедры педагогики не только с психологией, но и с методикой обучения.

После окончания сроков аспирантуры и защиты диссертации я уехала на работу в Краснодарский педагогический институт.

В 1950 г. после трех лет работы в Краснодаре я возвратилась в Ленинград и благодаря протекции Е. Я. Голанта была принята на кафедру педагогики и психологии 2-го Ленинградского педагогического института иностранных языков, на которой проработала пять лет — с 1950 по 1955 г. В 1955 г. общая политика сокращения структур образования и воспитания, особенно в высших учебных заведениях, которую проводил Н. С. Хрущев, привела к тому, что наш институт прекратил свое существование и был включен в состав Института им. А. И. Герцена. Тогда, осенью 1955 г., я вместе с другими нашими преподавателями пришла на кафедру педагогики Института и здесь работаю уже полвека. Здесь, на этой кафедре происходили все события моей жизни как преподавателя и ученого, здесь я чувствовала особенности стиля руководства разных руководителей, испытала счастье совместной работы с замечательными учеными и горечь ухода из жизни многих из них.

Очень существенное место в жизни кафедры занимала учебная работа.

Традицией были открытые лекции и даже практические занятия. На них приходили ведущие преподаватели кафедры и просто аспиранты. Обсуждение их всегда было острым и принципиальным. Традицией было взаимопосещение и просто посещение тех лекций, от которых ждали чего-то нового и интересного. И эти ожидания оправдывались. Исключительно яркими были лекции профессора Т. Е. Конниковой, на которых всегда было немало гостей. Необычными по форме, можно сказать, образцом ораторского искусства, были лекции доцента кафедры педагогики В. А. Лира. Традиции посещения лекций очень обогащали молодых членов кафедры, особенно аспирантов.

И все же наиболее яркими страницами в жизни кафедры всегда была ее научная деятельность. В течение нескольких десятков лет после моего прихода на кафедру она была связана с жизнью и работой замечательных ученых, людей с оригинальными личными качествами — профессором Е. Я. Голантом и профессором Ш. И. Ганелиным. Они были ведущими авторами «Ученых записок», которые выпускала кафедра, активными и заинтересованными участниками всех дискуссий и обсуждений, руководителями большого количества аспирантов. Ш. И. Ганелин разрабатывал проблему сознательности обучения, оригинально подходил к историко-педагогическим проблемам, постоянно искал связи педагогики и современности, о чем свидетельствует сборник «История педагогики и современность», выпущенный в 1970 г. Оба они были страстными спорщиками, непримиримо спорили между собой и оставались добрыми друзьями. В значительной степени через них кафедра педагогики связывалась с научными структурами, в частности в области методики конкретных наук внутри нашего вуза, и включалась в общее пространство науки в стране, в том числе и в деятельность Академии педагогических наук.

Особенностью научной жизни кафедры было ее умение откликнуться на многие события в науке и воспитании, которые происходили в стране. Не всегда этот отклик был адекватным значению этих событий. Так, в 50-е гг. в стране были организованы школы-интернаты, которые, по убеждению их создателя, выступали как учебно-воспитательные заведения нового типа и которые со временем должны были в какой-то мере заменить воспитание в семье. Кафедра педагогики приняла идею о них как школах будущего, установила связи с наиболее интересными из них, изучала и обобщала их опыт. Сама по себе работа школ-интернатов представляла интерес, ибо в ней находили свое выражение общие проблемы педагогической науки, особенно в области воспитания. Время все расставило по своим местам, школы-интернаты не выполнили функции замены семейного воспитания, которые на них возлагались, не стали школами будущего и постепенно как-то ушли из системы образования.

Важно сказать о значении в жизни кафедры некоторых научных структур, которые вели, казалось бы, самостоятельный научный поиск и в то же время обогащали ее научный потенциал. Назову в этом плане работу лаборатории, которой руководила профессор Т. Е. Конникова, по проблемам нравственного воспитания в 60-е гг. В состав лаборатории входили доценты кафедры З. И. Васильева, Т. Н. Мальковская, Т. К. Ахаян, В. Н. Липник, а также психолог из Москвы М. С. Неймарк. В полной мере я оценила значение и высокий уровень этой работы, когда вместе с членами лаборатории поехала на симпозиум по проблемам нравственного воспитания в Ростов-на-Дону. Выступления членов лаборатории, особенно Т. Е. Конниковой, были несравнимыми по своему научному потенциалу со всем тем, что представили кафедры других вузов.

Особое место в жизни кафедры занимала работа с аспирантами, причем не только индивидуальное руководство ведущих членов кафедры, но именно коллективные формы работы. Значительными событиями были конференции аспирантов, которые довольно регулярно проводились в период 70-х — начала 80-х гг., когда кафедрой руководила З. И. Васильева. На конференцию приезжало очень много молодых ученых со всех концов страны. Они слушали ведущих ученых кафедры, выступали сами, переживали радость встреч со своими руководителями, друг с другом. Дни конференций становились просто праздничными для нас, членов кафедры и наших дорогих гостей.

Большое место в жизни кафедры и в моей жизни занимали выезды в разные города страны для научного консультирования ученых-педагогов вуза и просто для чтения лекций. Так, в 60–70-е гг. я побывала в педагогических вузах городов Омска, Усть-Каменогорска, Тобольска, Южно-Сахалинска, Пскова, Хабаровска, Оренбурга, Армавира, Кирова, Новгорода, Пензы, Красноярска, Новосибирска, Махачкалы. И в каждом городе было какое-то своеобразие, какие-то особенности жизни людей. В Усть-Каменогорске я испытала нечто вроде подземных толчков, и никто не решился сказать мне, что это проходило испытание атомной бомбы под Семипалатинском. В Красноярске я увидела очень интересные связи между учеными большой академической науки и учеными-педагогами, а педагоги Тобольска буквально очаровали меня особой погруженностью в свою историю, умением использовать ее в воспитательных целях. Так что в каждом городе и каждом вузе происходило взаимное обогащение, радость человеческого общения. Особо отмечу свои связи с Карелией, с Петрозаводским университетом, в котором я в конце концов стала членом кафедры. Большое место в моей работе и просто в жизни занимали Прибалтийские республики: Литва, Латвия. Вместе с другими членами кафедры, прежде всего З. И. Васильевой, мы много сделали для подготовки не только аспирантов, но и докторов наук. Среди них те, с которыми я связана узами самой тесной дружбы, — Бронислав Павлович Битинас (Литва) и Аусма Петровна Шпона (Латвия).

Вспоминая о тех научных структурах, которые сложились в те годы на кафедре, отмечу плодотворную работу семинаров и лабораторий. Очень интересно, с большой пользой для участников работал аспирантский семинар по педагогике, которым руководила Г. И. Щукина. Она старалась вооружить аспирантов знаниями методик исследования, раскрывала свои собственные находки в этом плане, заставляла аспирантов как-то погрузиться в пространство исследовательской работы. Аспирантский семинар по истории педагогики вела А. К. Громцева, и он так же возбуждал интерес.

Лично для меня очень значимой была работа лабораторий, которыми руководили мы вместе с Г. Д. Кирилловой. Заседания лаборатории, на которых обычно обсуждались аспирантские работы, проходили остро, высказывались разные точки зрения, постоянно устанавливались связи данного исследования с общими проблемами науки. Неизменным и самым ценным участником заседаний лаборатории была Т. К. Ахаян. Она удивительно точно проникала в самую суть темы, давая очень ценные советы. И не только для меня лично, но и для всей кафедры ее уход из жизни — большая и невозполнимая потеря. За работой кафедры внимательно следила заведующая кафедрой в то время З. И. Васильева. Как я считаю, именно в 80-е гг. на кафедре оформились научные школы. В первую очередь это научная школа самой З. И. Васильевой. Она объединила общим направлением исследования проблем нравственного воспитания большое количество учеников Зинаиды Ивановны и в нашей стране, и за рубежом.

Хочу отметить еще одно, очень значительное направление в работе кафедры — это выпуск в свет учебной литературы, в частности учебных пособий по педагогике и истории педагогики. В 1966 г. коллектив кафедры под руководством профессора Г. И. Щукиной создал курс лекций по педагогике. Книга

эта, выпущенная большим тиражом, получила отклик в стране, широко обсуждалась в печати, хотя, как всегда, оценки были разные, а иногда и противоположные.

А я хочу назвать очень важное издание уже более позднего времени — это учебное пособие по истории педагогики «История образования и педагогической мысли за рубежом и в России» (М., 2001). Работа над этим пособием авторского коллектива под руководством профессора З. И. Васильевой была творческой. Были реализованы интересные задумки, в частности о включении в книгу не только обычных учебных глав, но и первоисточников — исторических документов, материалов, отрывков из произведений педагогов прошлых времен и т. д. Для меня это издание интересно в том плане, что я написала для него вводную главу, которая раскрывала современные методологические основания истории педагогики как науки. Я считаю, что такое введение существенно для современного уровня развития историко-педагогического знания, оно помогает студентам увидеть связи истории педагогики с поисками в области философии, культурологии, социологии и идеологии в целом.

Безусловно, существенное место в моей жизни на кафедре занимает научная работа. О ее содержании и направленности подробно рассказано в моем учебном пособии «Эмоциональные ориентиры как психолого-педагогические основания теории и практики воспитания» (СПб., 1999).

Я была бы не права, если бы не назвала еще одну, чрезвычайно значимую область работы на кафедре — это работа с аспирантами. В далеком 1964 г. защитила кандидатскую диссертацию моя первая аспирантка Нина Георгиевна Лохичева (г. Череповец). Она была для меня не только первым аспирантом, но большим другом, своеобразной основой моих научных и педагогических связей за пределами кафедры, в частности с Череповецким институтом. К сожалению, ее уже нет в живых, так же как Л. П. Беспаловой, Г. А. Крыловой, А. Д. Тюниной. Всегда из жизни уходят самые нужные, самые любимые. Сейчас число моих аспирантов перевалило за пятьдесят. Стали докторами наук самые талантливые из них — Бронислав Павлович Битинас, Светлана Алексеевна Расчетина, Людмила Михайловна Лузина, Елена Владимировна Титова, Магомед Багаутдинович Рамазанов.

Что ж! Пора заканчивать историю моей жизни на кафедре педагогики ЛГПИ—РГПУ им. А. И. Герцена, так тесно, так неразделимо связанной со всеми перипетиями существования кафедры и ее представителями, вошедшими так или иначе в мою жизнь.

Но стоит взглянуть как бы со стороны на то, чем живет кафедра сегодня. Важно видеть, насколько богатой выступает научная жизнь кафедры, какие здесь происходят новые повороты в ее включении в современную науку. Большое значение имеет разработка современных проблем образования и воспитания, поиски в пространстве новых научных понятий, таких, к примеру, как «педагогика успеха», «толерантность», «компетентность», «технология воспитания» и многих других.

Для меня лично очень важны события на кафедре, которые связаны с оценкой значения и роли воспитания как ведущего понятия педагогической науки. Между тем, важно понимать, что всей направленностью своих научных поисков, всем многообразием научных направлений кафедра педагогики выступает как очень богатое и значимое научное сообщество.

И, наконец, самое последнее. Известно, что в любом пространстве человеческого существования, особенно когда речь идет о какой-то структуре, объединяющей субъектов деятельности, огромное значение приобретают отношения между субъектами. И достаточно известно, что эти отношения могут оказать разрушительное влияние на все то, ради чего это сообщество живет и действует. Мне кажется, что эти возможности понимает и очень умело регулирует А. П. Тряпицына. Ее большая заслуга в том, что в нашем, почти исключительно женском коллективе отношенческие аспекты как-то отодвинуты, не влияют на решение самой главной проблемы жизнедеятельности кафедры: развития и утверждения педагогики.

А мне лично комфортно живется на нашей кафедре, и я благодарю многих людей, в том числе и тех, кого уже нет с нами, и живет только память о них. И пусть на этой чуть щемящей ноте закончится мой рассказ о кафедре педагогики Университета им. А. И. Герцена в моей жизни.